

О ЛУНЕ

Это было в месяц уразы:
Светлой ночью лунный шар, бедняга,
Превращался в рог худой козы,
Чтоб совсем пропасть в утробе Бляго.¹

Дикий страх витал в ту ночь окрест,
Только Джагуако² молвил кстати:
«Пусть останки месяца доест
Бляго. С нас одиннадцати хватит!»³

А имам и здесь твердил своё,
На Луну померкшую кивая:
«Бляго, грозный Бляго съел её,
То ли съест ещё он, вас карая...»

Ныне это, может, и смешно,
А тогда всему народ мой верил,
Верил слепо он не так давно,
Даже в то, что там — на небе — звери.

«Не смотри, безбожник, на Луну,—
Зло шипел и мне мулла когда-то, —
Дай покой Нагому чабану,
Не смущай невидимого брата!»

Я ж смотрел, свой страх переборов,
На Луну и видел тени, пятна.
Дальний мир был сказочно суров,
Жизнь его страшна и непонятна.

Но прошло затмение веков,
Солнце новой жизни засияло,
Родина голодных батраков
Самою счастливой в мире стала.

Свет науки в горы к нам проник,
Озарил счастливые дороги,
И нашли живительный родник
Молодые, смелые касоги.

¹ Бляго — чудовищный змей, который, по утверждению имама, делал попытки проглотить Луну в наказание за грехи людей на земле.

² Джагуако — балагур, неприменный завсегда с празднеств.

³ Горцы в старину верили, что в каждый новый календарный месяц на небе появляется новая Луна.

И теперь в ауле каждый знает,
Что Луна была и есть одна,
Знает, что собою представляет
Родина Нагого чабана.

Вот и я по-новому гляжу
На ночное тихое светило,
А затмение будет — расскажу,
Что и почему Луну затмило.

Если ж доведётся — полечу
На Луну охотно, непременно,
И полёт столь дальний оплачу
Новой песней, песней вдохновенной.

Если там живёт Нагой чабан,
Я на кош приду к нему, как к другу,
Если мир да труд — его судьба,
Я ему пожму по-братски руку.

Пусть Луна не сходится с Землёй,
Человек сойдётся с человеком!
Под нездешней, голубой скалой
Подымим дукатовским «Казбеком»...

Но, увы, никто там не живёт,
Это ныне тоже всякий знает,
Нам Луна лишь свет холодный шлёт,
Лишь влюблённым тропки освещает.

Так лети же в горы и поля
Звонкой песни пламенное слово:
Нет планет прекрасней, чем Земля,
Залитая солнцем жизни новой.

*Перевод с черкесского
Г. ОРЛОВСКИЙ.*